

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

**А ЧТО ЖЕ БУДЕТ
СО МНОЙ?**

Этот план я вынашиваю давно. И если я тебе его открою,
он уже не будет моей тайной, верно? Так что назад пути нет.
Либо ты со мной, либо ты покойник...

Дж. Х. Чейз

Джеймс Хэдли Чейз

А что же будет со мной?

«Азбука»

1974

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д.

А что же будет со мной? / Д. Чейз — «Азбука», 1974

ISBN 978-5-389-18933-1

Похоже, что угон самолетов стал модной забавой. Полковник Берни Ольсон, бывший пилот бомбардировщика, заручившись поддержкой своего бывшего механика Джека Крейна, решает не упустить своего шанса разбогатеть...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18933-1

© Чейз Д., 1974
© Азбука, 1974

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джеймс Хэдли Чейз

А что же будет со мной?

© М. А. Загот, перевод, 1991

© Е. А. Королева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Меня разбудил телефонный звонок. Я взглянул на часы на столике у кровати. Было пять минут десятого. Я сбросил с себя простыню и спустил ноги на пол. Сквозь тонкое перекрытие я слышал, как мой старик внизу говорит по телефону. Звонят наверняка мне. Ему почти никогда не звонят. Я натянул халат, и, когда подошел к лестнице, он уже звал меня.

– Джек, тебя кто-то спрашивает, – сказал он. – Пойсон... Большон... я не разобрал.

Я скатился с лестницы в три прыжка, заметив, что старик провожает меня печальным взглядом.

– Я уже ухожу, – произнес он. – Жаль, что ты не встал пораньше. Мы бы могли вместе позавтракать.

– Угу.

Я ворвался в крошечную, скучно обставленную гостиную и схватил трубку.

– Джек Крейн слушает, – сказал я, глядя, как мой старик идет по дорожке к своему пятилетнему «шевроле», собираясь отсиживать очередной банковский день.

– Привет, Джек!

Тринадцати месяцев как не бывало. Этот голос я бы узнал где угодно, и я вытянулся по стойке смирно.

– Полковник Ольсон!

– Да, я, Джек, как поживаешь, сукин ты сын?

– Отлично. А как вы, сэр?

– Да хватит мне сэркать. Мы уже, слава богу, не в армии! Чертовки трудно было тебя отыскать.

Мне показалось, что в его голосе нет прежней напористости. Но это величайший пилот бомбардировщика в истории, чьими наградами можно завесить целую стену, и он говорит, что пытался меня отыскать! Полковник Берни Ольсон! Мой командир во Вьетнаме! Замечательный парень, которому я помогал оставаться в воздухе в любую погоду, пока он вытрясал из вьетконговцев душу. Три года я был его старшим механиком, а потом он получил пулю в пах, положившую конец его карьере. Наше прощание стало самым печальным моментом в моей жизни. Он отправился домой, меня приписали к другому летчику, а тот оказался таким жлобом! Моим непревзойденным героем оставался Ольсон. Я и не надеялся снова услышать его голос, но вот он здесь, говорит со мной спустя тринадцать месяцев.

– Слушай, Джек, – сказал он, – я сейчас спешу. Должен лететь в Париж. Ты как вообще устроился? А то, если тебе интересно, могу подкинуть одно дело, работать будешь вместе со мной.

– Ничего себе! Да это просто мечта.

– Отлично. Плата пятнадцать кусков. Я тебе пришлю билет на самолет и денег на текущие расходы, тогда и поговорим. – Я недоумевал, почему же голос этого великого человека звучит так безжизненно? – Хочу, чтобы ты прилетел ко мне. Я звоню из Парадиз-Сити, это примерно в шестидесяти милях от Майами. Работа трудная, но тебе вполне по зубам. В любом случае, если у тебя нет ничего другого на примете... что ты теряешь?

– Полковник, вы сказали, «пятнадцать тысяч»?

– Именно, но тебе придется их заработать.

– Это меня не пугает.

– Я тебе еще позвоню. А сейчас я спешу. Пока, Джек. – И связь прервалась.

Я медленно положил трубку на рычаг, а потом уставился в потолок, ощущая, как меня захлестывает волна возбуждения. Уже полгода, как я уволился из армии. Приехал домой, потому что больше податься было некуда. Прожил эти полгода в захудалом городишке, спуская

армейские выплаты на девочек, выпивку и в основном валяя дурака. Все это не радовало ни меня, ни моего старика, который управлял местным банком.

Я говорил ему, что рано или поздно найду работу, говорил, чтобы он не переживал. Он был готов расстаться со своими сбережениями, чтобы сделать меня хозяином авторемонтной мастерской, но это было последнее, чего бы мне хотелось. Я не собирался становиться очередной мелкой сошкой, как он. Я ждал Великого Часа.

Городок у нас славный, девушки покладистые. Я успел и как следует повеселиться, и заскучать и говорил себе, что, когда деньги начнут иссякать, я поищу работу, но только не здесь. И вот, как гром среди ясного неба, явился полковник Берни Ольсон, мой кумир, и предлагает работу, за которую мне заплатят пятнадцать тысяч! Надеюсь, я не ослышался? Пятнадцать тысяч! Да еще и в самом шикарном городе на всем побережье Флориды! Я ударил кулаком по ладони. От восторга мне хотелось стоять на голове!

И я стал дожидаться вестей от Ольсона. Старика моему я ничего не сказал, но он и сам был не дурак, понял, что что-то назревает.

Вернувшись из банка на обеденный перерыв, он принялся поджаривать два стейка, поглядывая на меня. Мама умерла, пока я служил во Вьетнаме. Я знал, что не стоит соваться к старику со своей помощью. Ему нравилось самому покупать продукты по пути из банка и самому готовить, пока я болтаюсь рядом.

– Хорошие новости, Джек? – спросил он, переворачивая стейки.

– Пока не знаю. Возможно. Один мой друг зовет меня в Парадиз-Сити во Флориде, говорит, есть работа.

– Парадиз-Сити?

– Ага... это рядом с Майами.

Он разложил мясо по тарелкам.

– Это ведь далеко отсюда.

– Ну, есть места и подальше.

Мы взяли тарелки в гостиную и некоторое время ели молча, а потом он произнес:

– Джонсон хочет продавать свой гараж. Такая удачная возможность для тебя. Я бы дал денег.

Я взглянул на него: одинокий старик, отчаянно пытающийся меня удержать. Ему будет совсем тоскливо одному в этой халупе, но для меня-то здесь что за жизнь? Он пожил в свое удовольствие. Я тоже хочу.

– Неплохая мысль, пап, – я не смотрел на него, сосредоточившись на стейке, – но я сначала узнаю, что там за работа.

Он кивнул:

– Конечно.

На этом мы и порешили. Он отправился в банк, отсиживать остаток рабочего дня, а я лег на кровать и принялся размышлять. Пятнадцать тысяч!

Может, работа и нелегкая, но за такие деньги не грех и попотеть.

Лежа на кровати, я вспоминал прошлое. Сейчас мне двадцать девять. Я дипломированный авиамеханик. Внутренности самолета знаю как свои пять пальцев. Пока меня не призвали в армию, у меня была прекрасно оплачиваемая работа в компании «Локхид».

Три года я обслуживал самолет полковника Ольсона, а потом вернулся в этот заштатный городишко. Я понимал, что рано или поздно придется заняться карьерой. Моя беда в том, сказал я себе, что армия меня избаловала. Мне не хотелось снова возвращаться в жизнь, где придется думать своей головой и обходить конкурентов. Армия пришлась мне по душе. Деньги хорошие, девочки сами на шею вешаются, необходимость соблюдать дисциплину меня не обременяла. Но пятнадцать тысяч долларов словно открывают дверь в жизнь, о которой я мог только мечтать.

«Работа тяжелая? Подумаешь, – сказал я себе, потянувшись за сигаретой, – да чтобы я отказался от таких денег, работа должна быть просто чертовски тяжелой».

Кое-как проползли два дня, а потом я получил от Ольсона пухлый конверт. Его принесли, когда мой старик собирался в банк. Он поднялся ко мне, постучал в дверь и вошел. Я только что проснулся и чувствовал себя препогано. Ночка накануне выдалась бурная.

Я водил Сьюзи Доусон в ночной клуб «Таверна», и мы напились там вдрызг. Потом до трех ночи болтались на каком-то пустыре, а потом я каким-то образом ухитрился проводить ее домой и сам кое-как дополз до постели.

Я моргал, глядя на старика и чувствуя, как пульсирует в голове. В глазах двоилось, а это означало, что накануне я упился до поросячьего визга. Отец казался очень высоким, очень худым и очень усталым, но доконало меня то, что их было двое.

– Привет, пап! – сказал я, заставляя себя сесть.

– Тебе письмо, Джек, – сказал он. – Надеюсь, это то, что ты ждешь. Мне пора уходить. Увидимся за обедом.

Я взял пухлый конверт.

– Спасибо... удачного утра. – Хотя бы это я сумел из себя выдавить.

– И тебе того же.

Я лежал, пока не услышал, как закрылась входная дверь, и только тогда разорвал конверт. В нем оказались билет первого класса на рейс до Парадиз-Сити, пятьсот долларов наличными и короткая записка, гласившая: «Встречу в аэропорту. Берни».

Я посмотрел на деньги. Изучил билет на самолет. Пятнадцать тысяч в год! Несмотря на раскалывавшуюся голову и засуху во рту, я рубанул кулаком воздух и прокричал «ура!».

Пройдя под плакатом, приглашавшим пассажиров в роскошный зал ожидания аэропорта Парадиз-Сити, я первым заметил Берни.

Его высокая, поджарая фигура узнавалась безошибочно, хотя кое-что в нем изменилось.

В следующий миг Берни тоже увидел меня, и его худое лицо осветилось улыбкой. Не той широкой, дружелюбной улыбкой, которую во Вьетнаме он приберегал специально для меня. Сейчас это была циническая улыбка человека, распрощавшегося со своими иллюзиями, но все-таки улыбка.

– Привет, Джек!

Мы обменялись рукопожатием. Рука у него была горячая и потная, настолько потная, что я украдкой вытер ладонь о штаны.

– Привет! Полковник, сколько зим, сколько лет...

– Да уж. – Он окинул меня взглядом. – Завязывай с чинами и званиями, Джек. Зови меня просто Берни. Отлично выглядишь.

– Ты тоже.

Его серые глаза словно ощупывали меня.

– Приятно слышать. Ну ладно, пошли. Будем выбиратья отсюда.

Мы пересекли многолюдный зал и вышли на солнцепек. Пока мы шли, я рассматривал его. На нем была темно-синяя рубаша навыпуск, белые льняные брюки и дорогие, судя по виду, туфли. Я в своем полосатом костюмчике и стоптанных ботинках выглядел рядом с ним оборванцем.

В тени стоял белый спортивный «ягуар». Берни уселся за руль, я устроился рядом, забросив сумку назад.

– Ничего себе машинка.

– Угу. Машинка что надо. – Он бросил на меня быстрый взгляд. – Это не моя. Моего босса.

Берни вырулил на шоссе. Часы показывали десять утра, и движение на дорогах было слабое.

– Чем занимался после увольнения? – спросил он, обгоняя грузовик, полный ящиков с апельсинами.

– Ничем. Наслаждался свободой. Поселился у своего старика. Спускал армейские денежки. Они почти кончились. Ты очень вовремя меня застал. На следующей неделе я уже собирался писать в «Локхид», спрашивать, нет ли у них для меня места.

– Но сам же ты туда не рвешься?

– Не рвусь, но есть-то нужно.

Ольсон кивнул:

– Это верно... есть всем нам нужно.

– Ну, судя по твоему виду, с едой у тебя полный порядок, да и не только с ней.

– Угу.

Он свернул с шоссе и погнал «ягуар» по грунтовке, ведущей к морю. Ярдов через сто мы подъехали к кафе-бару в деревянном домике с верандой, выходящей на длинный пляж и море за ним. Он остановил машину.

– Здесь можно поговорить, Джек, – сказал он, выходя.

Я поднялся вслед за ним по скрипучим ступеням веранды.

В кафе было пусто. Мы сели за столик, и к нам с улыбкой подошла официантка.

– Что будешь? – спросил Ольсон.

– Колу, – сказал я, хотя мне хотелось виски.

– Две колы.

Девушка ушла.

– Что, Джек, бросил пить? – поинтересовался Ольсон. – Помню, ты частенько закладывал за воротник.

– Я начинаю после шести.

– Разумно. А я теперь вообще не прикасаюсь к выпивке.

Он вынул пачку сигарет, и мы закурили. Девушка принесла нам колу, а потом удалилась.

– У меня мало времени, Джек, так что давай обрисую тебе ситуацию, – сказал Ольсон. – У меня для тебя есть работа... если ты захочешь.

– Ты говорил – пятнадцать кусков. Я до сих пор под впечатлением. – Я широко улыбнулся ему. – Если бы такие деньги мне предложил кто-нибудь другой, я решил бы, что он спятил, но, если это говорит мой полковник, я весь в предвкушении.

Он отхлебнул колы и перевел взгляд на пляж.

– Я работаю у Лейна Эссекса, – сказал Ольсон и умолк.

Я вздрогнул и уставился на него. Кто же не знает Лейна Эссекса! Колоритная личность вроде Хефнера, основателя «Плейбоя», только гораздо богаче последнего. Эссекс держал ночные клубы, владел отелями во всех крупных городах мира, заправлял казино, строил жилые кварталы, имел пару нефтяных месторождений, ему принадлежала изрядная доля автомобилестроения Детройта, и говорили, что его состояние насчитывает два миллиарда долларов.

– Ничего себе! – воскликнул я. – Лейн Эссекс! Ты хочешь сказать, что предлагаешь мне работать на него?

– Именно так, Джек, если ты согласишься.

– Соглашусь? Да это же блистательный Лейн Эссекс!

– Звучит неплохо, правда? Но вот что я тебе скажу... это тяжело. Знаешь, Джек, работать на Эссекса – все равно что попасть под циркулярку. – Он внимательно посмотрел на меня. – Мне тридцать пять, а у меня уже седые волосы. Почему? Да потому что я работаю на Лейна Эссекса.

Я посмотрел ему в лицо и вспомнил, каким он был тринадцать месяцев назад. Он постарел лет на десять. И напористость в голосе пропала. Взгляд тревожный и какой-то бегающий. Руки все время в движении. Он вертел в руках стакан. То и дело постукивал по пачке сигарет. Проводил пальцами по седеющим волосам. Это был не тот полковник Ольсон, которого я знал.

– Неужели настолько трудно?

– У Эссекса есть одна присказка, – негромко проговорил Ольсон. – Он говорит, что на свете нет ничего невозможного. Пару месяцев назад он созвал совещание, собрал всех своих работников в каком-то дурацком зале. И толкнул зажигательную речь. Суть была в том, что, если хочешь работать у него, ты должен согласиться, что невозможное возможно. У него персонала больше восьмисот человек, мужчин и женщин, это его личная обслуга и люди, работающие в Парадиз-Сити: управленцы, юристы, бухгалтеры и так далее, вплоть до простых работников вроде меня. Он сказал нам, что если мы не согласны с тем, что нет на свете ничего невозможного, то можем сразу отправляться к Джексону – это его заместитель – и брать расчет. И ни одна из восьмисот марионеток, включая меня, не пошла к Джексону. Так что теперь мы живем под лозунгом, что нет ничего невозможного. – Он отшвырнул окурок сигареты и сразу закурил следующую. – Сейчас я расскажу, при чем здесь ты, Джек. Эссекс заказал новый самолет, реактивный самолет с четырьмя двигателями, который я буду пилотировать. Штучная модель: большой конференц-зал, десять помещений для отдыха и все прочее, бар, ресторан и так далее до бесконечности, плюс спальня с круглой кроватью для самого Эссекса. Этот шедевр будет доставлен через три месяца, но взлетно-посадочная полоса у Эссекса, которая принимает его нынешний самолет, недостаточно длинная для новой машины. Мне поручено удлинить полосу. А между тем я обязан мотаться с ним по всему миру, черт бы его побрал. Делать и то и другое просто невозможно, но ведь для нас нет ничего невозможного.

Ольсон отхлебнул колы.

– И вот я подумал о тебе и теперь выкладываю карты на стол, Джек. Мне платят сорок пять тысяч в год. Я хочу, чтобы ты занялся строительством взлетной полосы и проследил, чтобы она была готова через три месяца, считая с сегодняшнего дня. Мы прилетим на новом самолете первого ноября, и я надеюсь успешно приземлиться. Я предлагаю тебе пятнадцать тысяч из своих денег. Я пытался поговорить с Эссексом, но он отказался вникать в проблему. «Это твоя работа, Ольсон, – сказал он. – Как ты ее сделаешь, меня не интересует, просто сделай!» Мне хватило ума не просить его о помощи. Он подобные разговоры не одобряет. О финансах не беспокойся. Я уже начал работы, но хочу, чтобы ты наблюдал за их ходом.

– И на сколько необходимо увеличить полосу?

– Полмили будет достаточно.

– А что за местность?

– Просто дрянь. Там лес, холмы и даже скалы.

– Мне бы хотелось взглянуть.

– Я так и думал, что ты захочешь.

Мы посмотрели друг на друга. Это была не та работа мечты, на какую я надеялся. Интуиция подсказывала мне, что во всем этом есть что-то странное.

– А по истечении трех месяцев, при условии, что я построю взлетную полосу, что со мной будет?

– Хороший вопрос. – Ольсон вертел свой стакан, глядя вдаль, на пляж. – У меня будет повод поговорить с Эссексом. Он останется доволен. Я смогу предложить тебя на должность старшего диспетчера его аэродрома, и тогда ты будешь получать не меньше тридцати тысяч в год.

Я раздумывал, допивая колу.

– Предположим, Эссекс останется недоволен... Что тогда?

– Ты имеешь в виду, если работа не будет выполнена через три месяца?

– Именно.

Ольсон закурил очередную сигарету. Я заметил, что руки у него трясутся.

– Тогда нас обоих, скорее всего, сольют. Я сказал ему, что это возможно. Если ты не справишься, тогда нас обоих вышвырнут. – Он сделал глубокую затяжку. – Мне повезло с этой работой, Джек. В наши дни высококлассных пилотов пруд пруди. Эссексу достаточно щелкнуть пальцами, и их набегит целая толпа.

– Ты говорил о пятнадцати тысячах в год. На деле выходит, что ты заплатишь мне за три месяца три тысячи семьсот пятьдесят, а постоянная работа будет зависеть от того, останется ли Эссекс доволен, так?

Ольсон уставился на кончик своей сигареты.

– Примерно так. – Он поглядел на меня и отвел глаза. – В конце концов, Джек, если сейчас ты все равно не у дел, не так уж это и плохо?

– Да, не плохо.

Мы долго сидели в молчании, а потом он предложил:

– Поехали посмотрим летное поле. Ты оценишь местность и скажешь мне свое мнение. Через три часа я лечу с ним в Нью-Йорк, так что времени не очень много.

– Берни, мне бы хотелось, чтобы какой-то задаток перевели на мой счет до того, как я приступлю к работе, – сказал я. – Я на мели.

– Без проблем, это я устрою. – Он поднялся. – Поехали посмотрим.

В этой истории что-то не сходится, сказал я себе, пока он выезжал обратно на шоссе. Но что я теряю? Три тысячи семьсот пятьдесят долларов за трехмесячную вахту – вовсе не плохо. Если в итоге ничего не выгорит, я всегда могу вернуться в «Локхид». Но все равно меня что-то угнетало. Человек, сидевший рядом со мной, был уже не тот бравый полковник Ольсон, какого я знал. Тому человеку я бы доверился со всеми потрохами. Я отдал бы за него жизнь, а за этого – нет.

Была в нем странная перемена, тревожившая меня. Я не мог бы точно сказать, в чем заключается эта перемена, но я не вполне ему доверял, и это было скверно.

Аэродром Лейна Эссекса находился в десяти милях от города. Над большими воротами, забранными металлической сеткой, красовалась вывеска с надписью: «Корпорация Эссекса».

Двое охранников в бутылочно-зеленой униформе и с револьверами на бедре приветствовали Ольсона, когда он подъехал.

Стандартные аэродромные постройки выглядели яркими, новенькими, современными.

Я увидел на диспетчерской вышке людей. Они тоже были в бутылочно-зеленой форме.

Ольсон выехал на взлетно-посадочную полосу и прибавил газу. Примерно через полмили я увидел большое облако пыли, и Ольсон сбросил скорость.

– Приехали, – сказал он, тормозя. – Слушай, Джек, чтобы ты лучше понимал ситуацию. Как я и говорил, я уже организовал работы. И твоя задача следить, чтобы и впредь они были организованы так же. Я опасаюсь проблем с рабочими. У нас тут орава в тысячу шестьсот человек, в основном цветные. Они ночуют в палатках, рабочий день с семи утра до шести вечера с двухчасовым перерывом на обед. Ты не ослышался – днем здесь адское пекло. Руководит работами Тим О’Брайен. Ты будешь его боссом. Я сказал ему, что ты приедешь. Он мужик неплохой, но я не очень доверяю ирландцам. И твоя задача надзирать за ним, пока он надзирает за рабочими. Сам с ними не якшайся. Я не хочу неприятностей. О’Брайена они любят. Ты все уловил?

Я внимательно смотрел на него.

– Так что мне делать-то?

– Ровно то, что я сказал. Присматривать за О’Брайеном. Ходить по стройке. Если увидишь, что кто-нибудь отлынивает от работы, доложишь О’Брайену. Следи, чтобы никто не сачковал до шести вечера.

Он вышел из машины и быстро двинулся к облаку пыли. Сбитый с толку, я последовал за ним. Когда мы миновали пыльное облако, я оценил масштаб работ, и он меня потряс. Кажется, не меньше двух десятков бульдозеров выравнивали почву. И целая армия рабочих: люди обливались потом, махая лопатами, таская камни, разрезая сваленные деревья электропилами. Был здесь и автогрейдер, и в воздухе стоял сильный запах гудрона.

Откуда-то выскочил невысокий толстый человек в мешковатых грязных штанах цвета хаки и пропитанной потом рубашке.

– Привет, полковник! – сказал он.

– Как идут дела, Тим? – спросил Ольсон.

Человек широко улыбнулся:

– Как по маслу. Парни утром свалили тридцать елок. Вот как раз убираем.

Ольсон обернулся ко мне:

– Джек... познакомься с Тимом О'Брайеном. Вы будете работать вместе. Тим... это Джек Крейн.

Пока он говорил, я рассматривал О'Брайена. Настоящий здоровяк, толстый и мускулистый, лет сорока пяти, лысеющий, черты лица расплывшиеся, взгляд голубых глаз уверенный. Он принадлежал к тому типу людей, которых невозможно не полюбить: работяга, заслуживающий доверия, – и я протянул ему руку, которую он пожал совершенно непринужденно.

Где-то рядом раздался оглушительный взрыв, от которого я вздрогнул.

О'Брайен улыбнулся.

– Взрываем, – сказал он. – Там дальше полно скальной породы.

Ольсон похлопал меня по руке:

– Мне пора, Джек. Увидимся через три дня. Тим о тебе позаботится.

Он развернулся и двинулся обратно к «ягуару».

О'Брайен взглянул на часы:

– Дайте мне десять минут, мистер Крейн, а потом мы вернемся на аэродром. Я только прослежу, чтобы парни получили обед. – И он отошел, а я остался торчать там как чурбан.

Я огляделся. Работа по расчистке территории шла полным ходом. Асфальтоукладчик уже проложил двести ярдов взлетной полосы. Снова громыхнуло, когда взрыв разорвал скалы впереди, а потом десяток бульдозеров взревел, приступая к работе. «Какого черта я здесь забыл?» – спрашивал я себя. Организовать работу лучше просто невозможно. При той скорости, с какой вкалывают эти люди, полоса будет готова не через три месяца, а через два.

Я стоял в ожидании под палящим солнцем, когда кто-то дунул в свисток. Машины замерли, и всякий шум утих. Люди побросали лопаты, и все потянулись к трем большим грузовикам, с которых негры принялись раздавать бутылки с водой и контейнеры с едой.

В открытом джипе ко мне подъехал О'Брайен.

– Запрыгивайте, мистер Крейн, – сказал он. – Я отвезу вас к вашему коттеджу. Вам не помешает принять душ. Мне-то уж точно не помешает! – Он засмеялся. – А потом мы можем вместе перекусить у меня. Мы с вами соседи.

– Отлично. – Я уселся рядом с ним. – Слушайте, Тим, может, нам перейти на «ты»?

Он поглядел на меня и кивнул:

– Запросто.

Он быстро проехал по взлетной полосе, свернул с нее и направился к длинному ряду небольших домиков недалеко от диспетчерской вышки.

Он остановился у начала ряда, вышел и подошел к коттеджу с номером пять.

– Это твой. Располагайся. Заходи ко мне в шестой номер, скажем, через полчаса. Идет?

– Отлично.

Забрав из машины сумку, я открыл дверь коттеджа и шагнул в благословенно прохладный, кондиционированный воздух. Закрыл дверь и огляделся. Большая гостиная была обстав-

лена по высшему разряду. Четыре кресла-шезлонга, битком набитый бар-холодильник, цветной телевизор, книжная полка, полная книг, ковровое покрытие под ногами, похожее на траву, а у дальней стены – стереосистема и приемник. К гостиной примыкала спальня с двуспальной кроватью, шкафами, ночным столиком с лампой, дверь из спальни вела в ванную, где имелось все, о чем только можно мечтать.

Я сбросил с себя одежду, принял душ, побрился, надел рубашку с коротким рукавом и льняные брюки, вышел в гостиную.

Меня так и подмывало выпить, но я воздержался. Я посмотрел на часы: оставалось еще пять минут, поэтому я закурил и принялся ждать. Ровно в половине первого я подошел к коттеджу номер шесть и постучал.

О’Брайен, уже не такой потный, но в той же одежде, открыл дверь и замахал, приглашая меня войти. Я оказался в точной копии домика, из которого только что вышел. В воздухе стоял запах жареного лука, от которого у меня потекли слюнки.

– Обед вот-вот принесут, – сказал он. – Что будешь пить?

– Ничего, спасибо.

Я опустился в один из шезлонгов.

Девушка в бутылочно-зеленой блузе и бутылочно-зеленых брюках в обтяжку вошла в комнату с подносом в руках. Она быстро накрыла на стол, поставила две тарелки и вышла.

– Давай перекусим, – сказал О’Брайен, усаживаясь за стол.

Я присоединился к нему.

У меня на тарелке лежали толстый стейк, фасоль и картошка фри.

– А у вас тут неплохо кормят, – заметил я, нарезаю стейк.

– Здесь все по высшему разряду, – сказал О’Брайен. – Мы ведь работаем на Эссекса.

Примерно минуту мы ели молча, а потом О’Брайен сказал:

– Я так понял, вы с Ольсоном во Вьетнаме дружили?

– Он был моим командиром. Я обслуживал его самолет.

– И как оно было во Вьетнаме?

Я отрезал еще кусочек стейка, намазал горчицей и уставился на мясо.

– Мне-то было неплохо, но в меня не стреляли. – Я сунул стейк в рот и прожевал.

– Да, это меняет дело.

– Точнее и не скажешь.

Мы принялись за еду, а потом О’Брайен спросил:

– И у тебя большой опыт в строительстве взлетно-посадочных полос?

Я перестал жевать и посмотрел прямо ему в лицо. Он смотрел на меня. Мы изучали друг друга, и я просто не мог не ощущать симпатию к этому грузному толстяку, жующему стейк и глядящему мне в глаза своими честными голубыми глазами.

– Я авиамеханик, – сказал я. – Я разбираюсь во внутренностях большинства самолетов, но я понятия не имею, как строить взлетно-посадочные полосы.

Он коротко кивнул, затем намазал кусочек мяса горчицей.

– Ясно. Что ж, Джек, спасибо за откровенность. Давай сразу все проясним. Ольсон сказал, что хочет курировать мою работу. Он опасается, что полоса не будет построена за три месяца. Он сказал, у него имеется эксперт, который будет надзирать за мной. Я согласился, потому что деньги платят отличные. А Ольсон до одури боится Эссекса. Когда один человек боится другого из опасения потерять работу, мне жаль его, и я хочу ему помочь.

Я немного посомневался, но все-таки сказал:

– Я знал Ольсона тринадцать месяцев назад. Сегодня впервые увидел после долгого перерыва. Он чертовски сильно изменился.

– Правда? Я на этой работе всего-то пару недель, но испуганного человека видно сразу.

– О’Брайен покончил с обедом и откинулся на стуле. – Итак, Джек, чем же ты собираешься

заниматься? Я могу с уверенностью сказать, что полоса будет готова через полтора месяца. Со мной работает отличная бригада, и я знаю, что могу положиться на этих людей.

– Ольсон говорил о каких-то проблемах с рабочими.

О’Брайен помотал головой:

– Исключено. Всем отлично платят, и я умею держать людей в узде.

Я пожал плечами:

– В таком случае будь я проклят, если знаю, зачем я здесь. Как только я увидел стройку, то сразу понял, что мне тут нет места. Знаешь, Тим, во всем этом есть что-то нелепое. Получается, Ольсон собирается платить мне хорошие деньги из собственного кармана за просто так.

О’Брайен улыбнулся:

– Ну, если тебе платят и ты будешь доволен, то надзирай за мной.

– Можно мне поехать с тобой и осмотреться? – Я ощущал неловкость.

– Разумеется. – Он взглянул на часы. – Мне как раз пора возвращаться.

Он отвез меня обратно на стройку и вылез из джипа.

– Забирай машину, Джек. Мне она сегодня уже не понадобится. Поезжай, осмотрись. Я готов выслушать любые предложения.

Ощущая себя полным дураком, я проехал мимо людей, уже приступивших к работе, миновал выровненный участок и свернул к лесу.

Здесь я вылез из джипа и немного прошелся.

Примерно пятьдесят чернокожих рабочих оглашали лес ревом электропил. На меня они посмотрели без всякого интереса, только один, крупный и красивый парень, замахал, чтобы я уходил.

– Тут гулять небезопасно, брат, – сказал он. – Деревья так и валятся.

Я отошел от них и выбрался из леса на жаркое солнце, где готовились подрывные работы. И тут мне снова посоветовали держаться подальше.

Как и сказал О’Брайен, строительство продвигалось стремительно.

У него хватало техники, хватало рабочих рук, хватало взрывчатки, чтобы достроить полосу за полтора месяца.

Я свернул на тропинку, уводившую вниз, к быстрому ручью в стороне от стройки, сел там на камень, закурил и немного подумал.

В одном я теперь был уверен: мне нечего здесь делать, пока работами руководит О’Брайен. Так зачем же Ольсон послал за мной? Зачем он собирается платить три тысячи семьсот пятьдесят долларов из собственного кармана, чтобы я болтался здесь, когда он и сам наверняка знает, что О’Брайен со всем справится? Что за всем этим кроется? Ольсон сейчас улетел в Нью-Йорк. Сказал, что вернется через три дня. И чем мне заниматься все это время? Первым моим желанием было вернуться домой, оставив ему письмо – напишу, что не понимаю, чем могу быть полезен, – но я быстро отказался от этой идеи. Не хочу возвращаться в наш убогий домишко, возвращаться в лишенную событий жизнь.

Я решил, что дождусь возвращения Ольсона и все у него выпрошу. А пока что я решил писать отчет о том, как продвигается строительство, чтобы доказать ему, что пытаюсь отработать обещанные деньги.

Я вернулся на стройку и нашел О’Брайена у застопорившегося бульдозера. Увидев меня, он подошел.

– Слушай, Тим, – начал я. Мне пришлось кричать, чтобы перекрыть рев остальных бульдозеров. – Мне кажется, все идет отлично. И полоса точно будет готова через полтора месяца. Да при таких темпах работы она будет готова уже через пять недель!

Он кивнул.

– Но я ведь должен что-то делать, чтобы отработать жалованье. Деньги мне нужны. Можно мне взглянуть на твои записи, чтобы составить для Ольсона какое-то подобие отчета? Ты не возражаешь?

– Конечно, Джек. Никаких проблем. Зайди ко мне. В письменном столе, в верхнем ящике слева, найдешь все, что тебе нужно. Я сейчас не могу поехать с тобой. Мне надо наладить эту машину.

– Очень тебе признателен. – Я помолчал и добавил: – Наверное, из-за своего отчета я лишусь работы, но так тому и быть. Я напишу, что организовать строительство лучше, чем оно организовано сейчас, просто невозможно.

Он посмотрел на меня, улыбнулся, затем по-дружески толкнул кулаком в плечо:

– Ты сам это сказал. Я занимаюсь строительством взлетно-посадочных полос последние двадцать лет. Увидимся вечером.

Оставив меня, он вернулся к застопорившемуся бульдозеру.

Я сел в джип и поехал обратно к коттеджам. С меня тек пот. Послеобеденное солнце жарило немилосердно, и я с большим облегчением ступил в кондиционированный воздух коттеджа О'Брайена. И, вздрогнув, остановился в дверях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.